

Томас Шерред. Попытка

OCR: O.Серов

В аэропорту капитана ждала штабная машина. Она рванулась с места и долго неслась по разным шоссе. В узкой тихой комнате сидел прямой, как палка, генерал и ждал. У нижней ступеньки металлической лестницы, льдисто отсвечивающей в полумраке, стоял наготове майор. Взвизгнули шины, машина резко остановилась, и капитан бок о бок с майором кинулись вверх по лестнице. Никто не произнес ни слова. Генерал поспешно встал, протягивая руку. Капитан одним движением открыл полевую сумку и вложил в генеральскую руку толстую пачку бумаг. Генерал поспешно пролистал их и отдал майору отрывистое распоряжение. Майор исчез; из коридора донесся его резкий голос. В комнату вошел человек в очках, и генерал протянул ему бумаги. Человек в очках начал перебирать их дрожащими пальцами. По знаку генерала капитан вышел из комнаты, на его усталом молодом лице играла гордая улыбка. Генерал принялся барабанить пальцами по черной глянцевитой крышке стола. Человек в очках отодвинул в сторону полуразвернутые карты и начал читать вслух.

Дорогой Джо!

Я взялся за эти записки, только чтобы убить время, так как мне надоело смотреть в окно. Но когда я их уже почти кончил, мне стало ясно, какой оборот принимают события. Ты единственный из тех, кого я знаю, кому по силам добраться до меня, а прочитав мои записки, ты поймешь, почему сделать это необходимо.

Неважно, кто их тебе доставит, - возможно, он не захочет, чтобы ты мог его впоследствии опознать. Помни об этом и, ради бога, Джо, поторопись!

Эд.

Всему причиной моя лень. К тому времени, когда я протер глаза и сдал номер, автобус был уже полон. Я засунул чемодан в автоматическую камеру хранения и отправился убивать час, который оставался до следующего автобуса. Ты, наверное, знаешь этот вокзал - на бульваре Вашингтон, неподалеку от Мичиган-авеню. Мичиган-авеню смахивает на Мэйн-стрит в Лос-Анджелесе или Шестьдесят третью улицу в Чикаго, куда я ехал - те же дешевые киношки, лавки закладчиков, десятки пивных и рестораны, предлагающие рубленный бифштекс, хлеб с маслом и кофе за сорок центов. До войны такой обед стоил двадцать пять центов.

Я люблю лавки закладчиков. Я люблю фотоаппараты. Я люблю приборы и инструменты. Я люблю разглядывать витрины, набитые всякой всячиной - от электробритв и наборов гаечных ключей до вставных челюстей включительно. И теперь, имея в своем распоряжении целый час, я отправился пройтись по Мичиган-авеню до Шестой улицы, ну, а потом вернуться по другой ее стороне. В этом районе живет много китайцев и мексиканцев - китайцы содержат рестораны, а мексиканцы едят блюда "домашней южной кухни". Между Четвертой и Пятой улицами я остановился перед подобием кинотеатра - окна, покрашенные черной краской, объявления по-испански, написанные от руки: "Детройтская премьера... Боевик с тысячами статистов... Только на этой неделе... Десять центов". Несколько прилепленных к окнам фотографий были смазанными и мятыми - всадники в латах и что-то вроде яростной сечи. И все - за десять центов! Как раз в моем вкусе.

Возможно, мне повезло, что в школе моим любимым предметом была история. И уж, во всяком случае, слепая удача, а вовсе не проницательность заставила меня раскошелиться на десять центов за право сесть на шаткий складной стул, насквозь пропахший чесноком. Кроме меня, объявления соблазнили еще полудюжину мексиканцев. Я сидел возле двери. Две свисавшие

с потолка стоваттные лампочки, даже без намека на абажур, давали достаточно света, чтобы я мог оглядеться. Передо мной в глубине помещения виднелся экран, смахивавший на побеленный кусок картона, а когда у себя за спиной я увидел старенький шестнадцатимиллиметровый проектор, я заподозрил, что даже десять центов - слишком дорогая цена за подобное удовольствие. С другой стороны, мне предстояло скоротать еще сорок минут.

Все курили. Я тоже достал сигарету - и унылый мексиканец, которому я вручил свои десять центов, устремил на меня долгий вопрошающий взгляд. Но я заплатил за вход, а потому ответил ему таким же пристальным взглядом. Тогда он запер дверь и погасил свет. Полминуты спустя зажужжал дряхлый проектор. Ни вступительных титров, ни имени режиссера, ни названия фирмы - только белый мерцающий квадрат, а потом сразу же крупным планом-бородатая физиономия с подписью "Кортес". Затем раскрашенный, весь в перьях индеец - "Гватемосин, преемник Монтесумы". Снятые сверху, изумительно сделанные модели разнообразных зданий - "Город Мехико, 1521 год". Кадры старинных, заряжаемых с дула пушек, изрыгающих ядра, - осколки камней отлетают от огромных стен, худые индейцы умирают в набивших оскомину конвульсиях, дым, искаженные лица, кровь. Лента меня сразу ошеломила. Ни царапин, ни нелепых склеек, характерных для давнишних фильмов, ни слащавости и ни красавца-героя, чья физиономия возникает перед камерой кстати и некстати. Там вообще не было красавца-героя. Ты когда-нибудь видел те французские или русские картины, которые критики восхваляют за глубину и реалистичность, порожденные скудным бюджетом, не позволяющим приглашать знаменитых актеров? То, что я увидел, было именно таким, и даже лучше.

И только когда фильм завершился общим планом унылого пожарища, я начал кое-что соображать. Нельзя за гроши нанять тысячу статистов и поставить декорации такой величины, что для них еле нашлось бы место в Центральном парке. Трюковая съемка падения даже с десятиметровой высоты обходится в суммы, которые приводят бухгалтеров в исступление, а тут стены были гораздо выше. Все это плохо вязалось со скверным монтажом и отсутствием звуковой дорожки. Разве что картина снималась еще в добрые старые дни немого кино. Но фильм, который я только что видел, был снят на цветную пленку! Больше всего он походил на хорошо отрепетированный и плохо поставленный документальный фильм.

Мексиканцы лениво покидали помещение, и я направился было за ними, но задержался около унылого киномеханика, который перематывал ленту. Я спросил, откуда у него этот фильм.

- Я что-то не слышал, чтобы последнее время на экран выходили исторические фильмы, а, судя по всему, эта штучка снималась недавно.

Он ответил, что да, недавно, и добавил, что снимал фильм он сам. Я принял его сообщение с невозмутимой вежливостью, и он понял, что я ему не верю. Он выпрямился.

- Вы мне не поверили, ведь так?

Я ответил, что он безусловно прав в своем заключении, и добавил, что спешу на автобус.

- Но скажите, почему? В чем дело?

Я сказал, что автобус...

- Я вас очень прошу. Я буду вам бесконечно обязан, если вы объясните, чем он плох.

- Да ничем, - ответил я, но он молча ждал продолжения. - Ну, во-первых, такие картины не выпускаются на шестнадцатимиллиметровой пленке. Вы раздобыли копию, снятую с тридцатипятиммиллиметровой пленки...

И я перечислил еще кое-какие отличия любительских фильмов от голливудских. Когда я кончил, он минуту молча курил.

- Понятно... - он вынул бобину из проектора и закрыл крышку. - У меня тут есть пиво...

Я согласился, что пиво - вещь очень хорошая, но автобус... Ну, ладно, одну бутылку куда ни шло.

Он вытащил из-за экрана бумажные стаканчики и бутылку портера. Пробормотав с усмешкой "сеанс откладывается", он закрыл дверь и откупорил бутылку о скобу, привинченную к стене. По-видимому, здесь прежде помещалась бакалейная лавка или пивная. Стулья имелись в избытке. Два из них мы отодвинули в сторону и расположились с удобствами. Пиво оказалось теплым.

- Вы как будто разбираетесь в этом деле, - заметил он выжидательно.

Я счел его слова вопросом, засмеялся и ответил:

- Ну, не слишком. Ваше здоровье! - Мы выпили. - Я работал шофером в

кинопрокатной фирме.

Он улыбнулся.

- Вы тут проездом?

- Как сказать... Чаще - проездом. Уезжаю по состоянию здоровья, возвращаюсь ради родных. Только с этим кончено - на прошлой неделе похоронил отца.

Он сказал, что это очень грустно, а я ответил, что все зависит от взгляда на вопрос.

- У него со здоровьем тоже было неважно.

Это была шутка. Мы выпили по второму стаканчику и несколько минут обсуждали климат Детройта. Наконец он сказал, словно что-то обдумывая:

- По-моему, я вас здесь видел вчера... Часов около восьми. - Он встал и пошел за второй бутылкой пива.

Я крикнул ему вслед:

- Я больше пить не буду!

Но он все-таки принес пиво, а я поглядел на часы:

- Ну, пожалуй, еще один стакан...

- Так это были вы?

- Что? - я протянул ему мой бумажный стаканчик.

- Вчера здесь. В восемь часов...

Я вытер пену с усов.

- Вчера вечером? Нет, как ни жаль. Я бы тогда не опоздал на автобус. Нет, вчера в восемь я был в баре "Мотор". И просидел там до полуночи.

Он задумчиво пожевал нижнюю губу.

- В баре "Мотор"? Дальше по улице?

Я кивнул.

- В баре "Мотор"... Гм... А, может, вам хотелось бы... Да, конечно...

Прежде чем я сообразил, что он имеет в виду, он скрылся за экраном и выкатил из-за него большую радиолу. В руке он держал третью бутылку пива. Я поднес к свету бутылку, стоявшую передо мной. Еще полбутылки есть. Я посмотрел на часы. Он придвинул радиолу к стене и поднял крышку, открыв рукоятки настройки.

- Выключатель позади вас. Будьте так добры!

Я мог дотянуться до выключателя, не вставая, что я и сделал. Обе лампы разом погасли. Я этого не ожидал и начал шарить по стене. Тут снова стало светло, и я с облегчением сел поудобнее. Но лампы не зажглись - просто я смотрел на улицу!

Я облился пивом и чуть не опрокинул шаткий стул, а улица вдруг сдвинулась с места - улица, а не я! День сменился вечером, и я вошел в бар "Мотор" и увидел, как я заказываю пиво и при всем при том я твердо знал, что я не сплю и это мне не снится. В панике я вскочил, расшвыривая стулья и пивные бутылки, и чуть не сорвал ногти, пока нащупывал на стене выключатель. К тому времени, когда я его отыскал - наблюдая, как я стучу по стойке, подзывая бармена, - у меня совсем помутилось в голове и я готов был хлопнуться в обморок. Ни с того, ни с сего вдруг бредить наяву! Наконец мои пальцы коснулись выключателя.

Мексиканец смотрел на меня с непонятым выражением - словно он зарядил мышеловку и поймал лягушку. Ну а я? Наверное, вид у меня был совсем уже дикий. Да и было с чего. Пиво расплескалось по всему полу, и я с трудом добрал до ближайшего стула.

- Что это такое? - просипел я.

Крышка радиолы опустилась.

- В первый раз со мной было то же. Я забыл.

У меня так дрожали пальцы, что мне не удалось вытащить сигарету и я разорвал пачку.

- Я спрашиваю, что это такое?!

Он сел.

- Это были вы. В баре "Мотор", вчера в восемь вечера.

Я тупо уставился на него. А он протянул мне новый бумажный стаканчик, и я машинально подставил его под бутылку, которую он наклонял.

- Послушайте... - начал я.

- Конечно, это не может не ошеломить. Я забыл, что я сам чувствовал в первый раз. А теперь... теперь мне все равно. Завтра я иду в контору "Филипс-радио".

Я спросил, о чем он, собственно, говорит, но он продолжал, не обратив внимания на мой вопрос:

- У меня нет больше сил. Я сижу без гроша. И мне уже все равно.

Оговорю себе долю и буду получать проценты.

Наверное, ему необходимо было высказаться. И, расхаживая взад и

вперед, он, сначала медленно, а потом быстрее и быстрее, выложил мне всю историю.

Его звали Мигель Хосе Сапата Лавьяда. Я сообщил ему мое имя - Лефко. Эд Лефко. Его родители приехали в Штаты где-то в двадцатых годах и с тех пор сажали и убирали сахарную свеклу. Они только обрадовались, когда их старшему сыну удалось выбраться с мичиганских полей, на которых они гнули спину год за годом, - он получил небольшую стипендию для продолжения образования. Стипендия была временной, и, чтобы продолжать учиться и не умереть с голоду, он работал в гаражах, водил грузовики, стоял за прилавком и торговал щетками вразнос. Но получить диплом ему не удалось, потому что его призвали на военную службу. В армии он имел дело с радиолокационными установками, а потом его демобилизовали, и от этих лет у него не осталось ничего, кроме некоей смутной идеи. В тот момент было нетрудно подыскать приличную работу, и в конце концов он накопил достаточно, чтобы взять напрокат машину с прицепом и закупить разного списанного радиооборудования. Год назад он достиг своей цели - достиг ее, изголодавшись, исхудав и дойдя до полного нервного истощения. Но он-таки сконструировал и собрал "это".

"Это" он поместил в футляр от радиолы - и для удобства, и для маскировки. По причинам, которые станут ясны позднее, он не рискнул взять патент. Я осмотрел "это" внимательно и подробно. Место звукоснимателя и кнопок настройки занимали циферблаты с рукоятками. На большом имелись деления от 1 до 24, на двух - от 1 до 60, на десятке - от 1 до 25, а на двух-трех цифр вообще не было. И все. Если не считать тяжелой деревянной панели, скрывавшей то, что было установлено на месте радиоламп и репродуктора. Неприхотливый тайник, скрывающий...

Кто не любит грезить наяву! Наверное, каждый человек мысленно обретал сказочные богатства, всемирную славу, жизнь, полную захватывающих приключений. Но сидеть на стуле, попивать теплое пиво и вдруг понять, что мечта столетий уже больше не мечта, а реальность, ощутить себя богом, сознавать, что стоит тебе повернуть пару рукояток - и ты сможешь увидеть любого человека, когда-либо жившего на Земле, можешь стать очевидцем любого события, если оно только произошло, - это до сих пор не вполне укладывается у меня в голове.

Я знаю только, что дело тут в высоких частотах. И что в аппарате много ртути, меди и всяких проволочек из дешевых и распространенных металлов, но что и как происходит в нем, а главное - почему, это для меня сложновато. Свет обладает массой и энергией, и эта масса непрерывно утрачивает какую-то свою часть и может быть снова обращена в электрическую энергию или что-то в том же духе. Майк Лавьяда сам говорит, что он не открыл ничего нового, что еще задолго до войны этот эффект не раз наблюдали такие ученые, как Комптон, Майкелсон и Пфейффер, но они сочли его чисто побочным, ничем не интересным явлением. А с тех пор все было заслонено исследованиями атомной энергии.

Когда я несколько пришел в себя - после того как Майк еще раз продемонстрировал мне мое прошлое, - я, по-видимому, начал вытворять что-то невообразимое. Майк утверждает, что я присаживался, тут же вскакивал, принимался бегать зад-вперед по помещению бывшей лавки, отшвыривая с дороги стулья или спотыкаясь о них, и все время бормотал бессвязные слова и фразы со всей быстротой, на какую был способен мой язык. В конце концов до меня дошло, что он надо мной смеется. На мой взгляд, смеяться было не над чем, и я так ему и сказал. Он рассердился.

- Я знаю, что именно я изобрел! - крикнул он. - Я не такой круглый дурак, каким вы меня считаете. Вот, посмотрите! - Он повернулся к своему аппарату и скомандовал: - Погасите свет!

Я погасил свет и снова увидел себя в баре "Мотор", но это меня уже не оглушило.

- Смотрите!

Бар расплылся в тумане. Улица. Два квартала до муниципалитета. Вверх по лестнице в зал совещаний. Никого. Потом - заседание муниципалитета. Потом оно исчезло. Не фильм, не проекция диапозитива, а кусочек жизни размером в четыре квадратных метра. Когда мы приближались, поле зрения сужалось; когда мы удалялись, задний план воспринимался так же четко, как и передний. Изображение - если тут подходит это слово - было таким

реальным и жизненным, что казалось, будто смотришь на происходящее через открытую дверь. Все предметы и фигуры были трехмерными. Майк что-то горячо объяснял, пока вертел свои рукоятки, но я был так увлечен, что почти его не слышал.

Вдруг я взвизгнул, уцепился за стул и закрыл глаза - как и ты закрыл бы на моем месте, если бы, взглянув вниз, обнаружил, что висешь в небе и между тобой и землей нет ничего, кроме дыма и двух-трех облаков. Когда я открыл глаза, мы, очевидно, вышли из стремительного пике и передо мной снова была улица.

- Можно подняться куда угодно, до слоя Хевисайда, и спуститься в любую пропасть, когда и где хотите!

Изображение затуманилось, и вместо улицы возник редкий сосняк.

- Закопанные в земле клады! Да, конечно, но отрыть их стоит денег!

Сосны исчезли, и я щелкнул выключателем, потому что Майк закрыл крышку своего аппарата и сел.

- Как можно заработать деньги без денег?

Этого я не знал, и он продолжал:

- Я поместил в газете объявление, что отыскиваю потерянные предметы. И первым ко мне пришел полицейский, потребовавший, чтобы я предъявил ему разрешение на занятие частным сыском. Я наблюдал, как крупнейшие биржевые дельцы в стране продавали и покупали акции, как они планировали у себя в конторах миллионные операции. Но что, по-вашему, произошло бы, если бы я попробовал торговать биржевыми предсказаниями? Я следил за тем, как курсы искусственно повышались и понижались, а у меня не было лишнего цента, чтобы купить газету с этими сведениями! Я наблюдал, как отряд перуанских индейцев закопал второй выкуп пики Атуагальпы, но у меня нет денег ни на билет до Перу, ни на инструменты и взрывчатку, чтобы добраться до сокровища! - Он встал, принес еще две бутылки и продолжал, а у меня начинали складываться кое-какие идеи. - Я видел, как писцы переписывали книги, сгоревшие вместе с Александрийской библиотекой, но если бы я изготовил копию, кто бы купил ее и кто поверил бы мне? Что произошло бы, если бы я отправился в университет и посоветовал тамошним историкам внести исправления в свои курсы? Сколько людей с удовольствием воткнули бы мне нож в спину, знай они, что я видел, как они убивали, крали или принимали ванну? Где бы я очутился, если бы попробовал торговать фотографиями Вашингтона или Цезаря? Или Христа?

Я согласился, что его упрятали бы в сумасшедший дом. Но...

- Как по-вашему, почему я сижу сейчас тут? Вы видели фильм, который я показываю за десять центов. И большего он не стоит, потому что у меня не было денег на хорошую пленку и я не мог сделать фильм так, как я знаю, что мог бы... - Язык у него начал заметно заплетаться от волнения. - Я занимаюсь этим потому, что у меня нет денег на оборудование, которое мне нужно, чтобы раздобыть деньги, которые мне нужны... - Он свирепо отшвырнул ногой стул на середину комнаты.

Несомненно, если бы я появился на сцене чуть позднее, "Филипс-радио" достался бы лакомый кус. И может быть, я только выиграл бы...

Мне всю мою жизнь твердили, что я так и умру без гроша за душой, однако никто еще не обвинял меня в том, что я упустил доллар, который сам плывет в руки. А тут передо мной были деньги - и какие! Причем получить их можно было почти сразу и без всякого труда. На мгновение я заглянул далеко в будущее, где я купался в золоте, и у меня даже дыхание перехватило.

- Майк, - сказал я, - допьем-ка это пиво, а потом пойдем куда-нибудь, где можно будет выпить еще и, пожалуй, перекусить. Нам надо о многом поговорить.

И мы поговорили.

Пиво - отличная смазка, а я умею быть убедительным, и к тому времени, когда мы вышли из забегаловки, между нами царило полное взаимопонимание. Когда же мы устроились спать позади все того же картонного экрана, мы с Майком были уже полноправными партнерами. Наш договор мы, помнится, не подкрепили рукопожатием, но партнерами мы остаемся по-прежнему, хотя с тех пор прошло шесть лет. Нет человека, которого я уважал бы больше, чем Майка, и он, по-моему, отвечает мне тем же.

Семь дней спустя я отправился на автобусе в Гросс-Пойнт с туго набитым портфелем, а через два дня вернулся на такси с пустым портфелем и бумажником, вздувшимся от крупных купюр. Это было очень легко.

"Мистер Джонс (или Смит, или Браун), я - представитель Аристократического ателье, специализирующегося на частных и откровенных

портретах. Мы полагаем, что вас может заинтересовать эта ваша фотография и... Нет-нет, это всего лишь пробный отпечаток. Негатив находится в нашем архиве... Но, если вас это заинтересует, я послезавтра доставлю вам негатив... Да, конечно, мистер Джонс. Благодарю вас, мистер Джонс..."

Подло? Безусловно. Шантаж - всегда подлость. Но если бы у меня была жена, дети и безупречная репутация, я бы удовлетворялся бифштексом и не баловался бы рокфором. И тем более весьма вонючим. Майку эта операция нравилась даже меньше, чем мне. Убедить его удалось далеко не сразу и пришлось даже пустить в ход старое присловие о цели, которая оправдывает средства. Да и нашим клиентам такой расход был вполне по карману. К тому же мы честно отдавали им негативы - и какие негативы!

Так мы раздобыли необходимые деньги - сумма была невелика, но для начала ее вполне хватало. Прежде всего мы присмотрели подходящее здание - вернее, присмотрел его Майк, потому что я на месяц улетел на восток, в Рочестер. Майк снял помещение бывшего банка. Мы распорядились заложить окна в зале, обставили контору со всей возможной роскошью (бронестекло было моей идеей) - аппарат для кондиционирования воздуха, портативный бар, электрооборудование, какое только мог пожелать Майк, и блондинка-секретарша, которая считала, что служит в экспериментальной лаборатории крупной электрической компании. Вернувшись из Рочестера, я взял на себя руководство каменщиками и монтерами, а Майк прохладился в номере, который мы сняли в первоклассном отеле, откуда ему был виден его бывший кинотеатр. Насколько мне известно, там затем была открыта торговля патентованными лекарствами на змеиных ядах. Когда "студия", как мы окрестили наше новое владение, была отделана, Майк перебрался туда, а блондинка приступила к выполнению своих обязанностей, которые исчерпывались тем, что она читала романы о любви и говорила "нет" всем коммивояжерам и агентам самых разнообразных фирм, являвшимся предложить нам свой товар. Я уехал в Голливуд.

Мне пришлось неделю рыться в Центральном архиве, прежде чем я нашел все, что мне было нужно, а чтобы раздобыть камеру, работающую на пленке "Труколор", потребовался месяц разнюхивания и взятки. Зато теперь я мог быть спокоен. Когда я вернулся в Детройт, из Рочестера уже прибыла большая панорамная фотокамера и целый вагон цветных фотопластинок. Можно было начинать.

Мы обставили это самым торжественным образом: закрыли жалюзи, и я пустил в потолок пробку одной из припасенных мною бутылок шампанского. На блондинку-секретаршу это произвело большое впечатление, тем более что она по-прежнему отработывала свое жалованье, расписываясь в получении ящичков, ящичков и контейнеров. Бокалов у нас не было, но мы прекрасно обошлись без них. Мы оба испытывали такое нервное возбуждение, что нить больше не смогли, и подарили остальные бутылки секретарше, сказав, что на этот день она может считать себя свободной. Когда она ушла (по-моему, несколько расстроенная тем, что веселое празднование оборвалось в самом начале), мы заперли за ней дверь, перебрались в студию, заперли внутреннюю дверь и взялись за работу.

Я уже упоминал, что окна студии мы заложили. Внутренние стены были выкрашены тусклой черной краской, и благодаря высокому потолку - ведь прежде это был зал банка - впечатление создавалось внушительное. Но отнюдь не мрачное. В самой середине зала была установлена кинокамера, заряженная и готовая к съемке. Она заслоняла аппарат Майка, но я знал, что он стоит сбоку, настроенный так, чтобы изображение появлялось у задней стены. Да, именно у стены, а не на стене, так как изображение проецировалось в воздухе, точно скрещивались два прожекторных луча. Майк открыл крышку, и я увидел ого силуэт на фоне чуть освещенных циферблатов.

- Ну? - спросил он нетерпеливо.

- Здесь ты командуешь, Майк, - сказал я.

Щелкнул выключатель, и перед нами возник он - гоноша, живший две с половиной тысячи лет назад. Возник во плоти. Александр. Александр Македонский.

О нашей первой картине я, пожалуй, расскажу подробно. Мне никогда не забыть этот год. Сначала мы проследили всю жизнь Александра от рождения и до смерти. Конечно, мы пропускали второстепенные моменты и перепрыгивали через недели, месяцы, а порой и годы, после чего теряли его или оказывалось, что он значительно сместился в пространстве. Это означало, что нам приходилось прыгать вперед-назад, точно мы вели пристрелочный

огонь. Существующие жизнеописания Александра Македонского почти не помогали нам, и мы поразились, насколько мало они соответствуют реальным фактам. Я часто задумываюсь над тем, почему вокруг знаменитых людей обязательно начинают сплетаться легенды. Ведь их подлинная жизнь не менее поразительна, чем выдуманная. К несчастью, мы вынуждены были придерживаться принятых версий, иначе историки объявили бы наш фильм безграмотной стряпней. Рисковать же мы не могли. Во всяком случае, вначале.

После того как мы примерно установили, что и где происходило, мы, руководствуясь нашими заметками, отобрали наиболее фотогеничные эпизоды и некоторое время работали над ними. В конце концов общие контуры будущего фильма стали нам ясны. Тогда мы сели писать сценарий с учетом кадров, которые предстояло в дальнейшем отснять с дублерами. Аппарат Майка действовал как проектор, а я снимал фиксированной камерой, точно при комбинированных съемках. Едва отсняв катушку пленки, мы тут же отсылали ее для проявления в Рочестер. Было бы дешевле прибегнуть к услугам какой-нибудь голливудской фирмы, но Рочестер имел то преимущество, что там все привыкли к жутким любительским киноподелкам, и мы могли быть спокойны, что наши ленты ни у кого не возбуждают нежелательного любопытства. Когда проявленная пленка возвращалась к нам, мы просматривали ее, проверяя динамику эпизода, цвета и прочее.

Например, мы обязательно хотели включить в фильм хрестоматийную ссору Александра с его отцом Филиппом, но большую ее часть пришлось оставить до съемок с дублерами. Для Олимпиады, его матери, подпустившей к нему змей с вырванными ядовитыми зубами, дублерши не требовалось, так как мы сняли этот эпизод общим планом и под таким углом, что его можно было не озвучивать. Случай, когда Александр укротил коня, на которого не осмеливался сесть никто другой, оказался выдумкой кого-то из его биографов, однако опустить столь известный эпизод юности нашего героя мы не рискнули: крупные планы мы вклеили позже, а на самом деле укрощал коня молодой скиф, один из конюхов царской конюшни. Роксана действительно существовала, как и остальные жены персов, захваченные Александром. К счастью, они оказались достаточно пышного сложения, чтобы на экране выглядеть томными и соблазнительными. Филипп, Парменон и прочие персонажи были бородаты, что значительно облегчало проблему дублирования и озвучивания. (Если бы ты видел, каким способом они брились в ту далекую эпоху, ты бы понял, почему бороды были в такой моде.)

Труднее всего было снимать эпизоды в помещениях. Коптящие фитили в чашах с топленным салом, сколько бы их ни было, дают слишком мало света даже для самой чувствительной пленки. Майк вышел из положения, отрегулировав камеру и свой аппарат так, что каждый кадр экспонировался секунду. Этим объясняется поразительная четкость и глубина резкости, которая достигалась сильным диафрагмированием. У нас было сколько угодно времени для того, чтобы выбирать наиболее интересные эпизоды и ракурсы. Нам не нужны были знаменитые актеры и хитроумное оборудование, нам не приходилось снимать по несколько вариантов одной и той же сцены - у нас в распоряжении была вся жизнь нашего героя, и мы могли спокойно отбирать все наиболее яркое и интересное.

В конце концов мы отсняли примерно восемьдесят процентов того, что ты видел в законченном фильме, склеили и устроили просмотр, упиваясь тем, что нам удалось сделать. Мы даже не рассчитывали, что конечный результат окажется таким блистательным. Хотя фильм еще не был смонтирован и озвучен, мы уже видели, что создали прекрасную вещь. Мы сделали все, что могли, а худшее еще было впереди. Поэтому мы послали за шампанским и сказали блондинке, что у нас праздник. Она хихикнула.

- Но чем вы там занимаетесь? - спросила она. - Торговые агенты просто не дают мне покоя, им обязательно хочется выведать, что вы делаете.

- А вы отвечайте, что не знаете, - посоветовал я, открывая первую бутылку.

- Я так и говорю. А они считают меня дурочкой.

Мы все трое посмеялись.

Майк сказал задумчиво:

- Если мы будем устраивать такие праздники часто, нам бы следовало обзавестись настоящими бокалами.

- Их можно было бы хранить в нижнем ящике моего стола, - радостно подхватила блондинка и мило сморщила нос. - Я ведь первый раз в жизни пью шампанское, если не считать свадьбы одной моей подруги. Но там я выпила всего один бокал.

- Налей ей еще! - предложил Майк. - Да и мне тоже. А что вы сделали с

теми бутылками, которые унесли домой в прошлый раз?

Она хихикнула и покраснела.

- Папа хотел их откупорить, но я сказала, что вы велели приберечь их до особого случая.

- Ну, это как раз и есть особый случай, - сказал я, закидывая ноги на ее стол. - Выпейте еще стаканчик, мисс... А как ваше имя? Не люблю официальности в нерабочие часы.

- Но ведь вы и мистер Лавьяда выписываете мне чек каждую неделю! - обиженно воскликнула она. - Меня зовут Руфь.

- Руфь... Руфь... - я покатал это имя на языке вместе с пузырьками шампанского и решил, что оно звучит очень приятно.

- А вас зовут Эдвард, а мистера Лавьяду - Мигуэль, ведь так? - и она улыbnулась Майку.

- Мигель, - улыбнулся он в ответ. - Старинное испанское имя. Обычно сокращается в "Майк".

- Передайте мне еще бутылку, - попросил я, - и сократите "Эдварда" в "Эда".

Она передала.

К тому времени, когда опустела четвертая бутылка, мы уже знали о ней все: двадцать четыре года, белая, незамужняя, любит шампанское.

- Но мне все-таки хотелось бы знать, чем вы там занимаетесь с утра до ночи, - добавила она, надувая губы. - А иногда всю ночь напролет...

- Ну, - заплетающимся языком сказал Майк после некоторого размышления, - мы там снимаем. Можем и вас снять, если вы хорошенько попросите, - закончил он, подмигнув.

- Мы снимаем модели, - перебил я. - И так, что они выглядят как настоящие.

По-моему, это ее несколько разочаровало.

- Ну, теперь все понятно, и я очень рада. А то я подписываю все эти счета из Рочестера и не знаю, за что они. И это меня беспокоило... Нет, в холодильнике есть еще две.

Всего две - шампанское ей явно пришлось по вкусу. Я спросил, что она думает об отпуске. Оказалось, что она пока еще не думала об отпуске. Я посоветовал ей подумать, потому что мы через два дня уедем в Лос-Анджелес, в Голливуд.

- Через два дня? Но ведь...

Я поспешил ее успокоить.

- Мы будем платить вам по-прежнему. Но неизвестно, сколько мы там пробудем, а какой вам смысл сидеть тут, ничего не делая?

Шампанское уже ударило нам всем в голову. Майк что-то тихонько напевал себе под нос. Руфь протянула мне последнюю бутылку.

- Я сберегу все пробки... Нет, нельзя - папа устроит скандал: с какой стати я пью с моими нанимателями?

Я сказал, что раздражать папу - очень плохо. Майк спросил, зачем говорить о плохом, когда у него есть одна очень хорошая мысль. Мы заинтересовались - чем больше хороших мыслей, тем веселей.

- Мы едем в Лос-Анджелес, - объявил Майк.

Руфь и я кивнули.

- Едем работать.

Мы опять кивнули.

- Едем работать в Лос-Анджелес. А кто там будет вести нашу корреспонденцию?

Ужасно. Кто будет вести пашу корреспонденцию и пить шампанское? Печальная история!

- Нам придется нанять кого-нибудь вести нашу корреспонденцию. А вдруг это будет не блондинка? В Голливуде блондинок нет. То есть настоящих. А потому...

Я уловил его блестящую мысль и закончил за него:

- А потому мы привезем в Лос-Анджелес хорошенькую блондинку, чтобы она вела нашу корреспонденцию.

Ах, какая это была мысль! Бутылкой раньше она бы скоро потускнела, но теперь Руфь засияла, а мы с Майком ухмылялись до ушей.

- Но я не могу! Я не могу уехать через два дня...

Майк был великолепен.

- Почему через два дня? Мы передумали. Едем сию же минуту.

Руфь была ошеломлена.

- Сейчас? Прямо сразу?

- Сию же минуту. Прямо сразу, - неумолимо заявил я.

- Но...

- Никаких "но"! Сию же минуту, прямо сразу.

- Мне нужно взять платье...

- Купите на месте. Таких, как в Лос-Анджелесе, нет нигде. А теперь звоните в аэропорт. Три билета.

Она позвонила.

- Папочке позвоните из аэропорта.

В Лос-Анджелесе мы отправились в отель, трезвые, как стеклышко, и сильно пристыженные. На следующий день Руфь пошла покупать гардероб для себя и для нас. Мы сообщили ей свои размеры и дали достаточно денег, чтобы ей легче было переносить похмелье. А мы с Майком взяли за телефон. Потом позавтракали и сидели, сложа руки, пока портье не позвонил, что нас желает видеть мистер Ли Джонсон.

Ли Джонсон оказался энергичным человеком высокого роста, не слишком красивым, привыкшим говорить кратко и деловито. Мы сообщили ему, что предполагаем сделать фильм. У него загорелись глаза. Как раз по его части.

- Дело обстоит не совсем так, как вы думаете, - сказал я. - У нас уже готово процентов восемьдесят.

Он поинтересовался, зачем мы в таком случае обратились к нему.

- У нас отснято свыше двух тысяч метров пленки "Труколор". Не трудитесь спрашивать, где и когда мы ее получили. Но лента не озвучена. Нам нужно ее озвучить и кое-где ввести диалог.

Он кивнул.

- Это нетрудно. В каком состоянии лента?

- В безупречном. В настоящее время она находится в сейфе отеля. Нам нужно доснять некоторые эпизоды, для чего потребуются дублеры. Причем они должны будут удовлетвориться оплатой наличными - упоминать о них в титрах мы не будем.

Джонсон поднял брови.

- Это ваше дело. Но если материал чего-нибудь стоит, мои ребята потребуют, чтобы они в титрах были упомянуты. И мне кажется, у них есть на это право.

Я согласился с ним и добавил, что платить мы будем хорошо, но с одним условием: они должны держать язык за зубами до того, как фильм будет готов. А может быть, и после этого.

- Прежде чем мы будем договариваться об условиях, я хотел бы посмотреть ваш материал, - сказал Джонсон, вставая и беря шляпу. - Я не знаю, сможем ли мы...

Я догадывался, о чем он думает. Кинолюбители. Собственное творчество. Не порнография ли?

Мы набрали коробки из сейфа и поехали в лабораторию Джонсона на бульвар Сансет. Верх его машины был опущен, и Майк вслух выразил горячую надежду, что у Руфи хватит соображения купить спортивные рубашки полегче.

- Жена? - равнодушно осведомился Джонсон.

- Секретарша, - ответил Майк не менее равнодушно. - Мы прилетели вчера вечером, и она пошла купить нам что-нибудь летнее.

Мы явно выросли в глазах Джонсона.

Швейцар забрал у нас коробки, а Джонсон провел нас через боковую дверь и отдал распоряжение человеку, имени которого мы не разобрали. Он оказался киномехаником. Взяв у швейцара коробки, он скрылся с ними в глубине просмотрового зала. Несколько минут мы молча сидели в удобных креслах, петом Джонсон взглянул на нас, мы кивнули, он нажал на кнопку, вделанную в ручку его кресла, - и свет в зале погас. Просмотр начался.

Он длился час пятьдесят минут. Мы оба следили за Джонсоном, как кошка - за мышинной норой. Наконец мелькнули заключительные кадры, Джонсон нажал на кнопку, вспыхнули люстры, и он повернулся и нам.

- Откуда у вас эта лента?

Я закинул крючок.

- Она снималась не тут. А где - неважно.

Джонсон проглотил крючок вместе с приманкой и поплавком.

- В Европе! Гмм... Германия. Нет... Франция. Может быть, Россия - Эйнштейн... или Эйзенштейн, как там его фамилия?

Я покачал головой.

- Не угадали. Могу сказать одно: все те, кто снимался в этом фильме и принимал участие в работе над ним, либо в курсе, либо умерли. Но у этих последних могут отыскаться наследники... Ну, вы понимаете, что я имею в виду.

О да, Джонсон прекрасно понял, что я имел в виду.

- Конечно, так надежнее. Лучше не рисковать. - Он задумался, а потом сказал киномеханику: - Позовите Бернштейна. И еще Кеслера и Мэрса.

Киномеханик вышел, и через несколько минут в зал с Бернштейном, звукооператором, вошли Кеслер, широкоплечий крепыш, и Мэре, нервный молодой человек, куривший без передышки. Джонсон познакомил нас с ними, а потом спросил, согласимся ли мы еще раз просмотреть наш фильм.

- С удовольствием. Нам он нравится больше, чем вам.

Тут я был неточен. Едва зажегся свет, как ошеломленные Кеслер, Мэре и Бернштейн набросились на нас с расспросами. Мы отвечали им в том же духе, как и Джонсону, но нам было приятно, что фильм произвел на них впечатление, и мы так и сказали.

Кеслер чертыхнулся.

- Хотел бы я знать, кто оператор. Черт побери, таких съемок я не видел со времен "Бен-Гура", только это еще лучше.

- На это я могу вам ответить. Снимали ребята, с которыми вы сейчас беседуете. Спасибо на добром слове.

Они все четверо недоверчиво уставились на нас.

- Верно, - сказал Майк.

- Ого! - пробормотал Мэре, и все они посмотрели на нас с уважением. Было очень приятно.

Наконец Джонсон нарушил затянувшееся молчание.

- Ну, а что дальше?

И мы перешли к делу. Майк, как обычно, сидел прищурившись и молчал, предоставляя мне самому вести переговоры.

- Мы хотим его полностью озвучить.

- С большим удовольствием, - сказал Бернштейн.

- Понадобится десяток дублеров, очень похожих на актеров, которых вы только что видели.

- Это просто, - уверенно заявил Джонсон. - В Центральном архиве имеются фотографии всех, кто хоть раз появлялся на экране начиная с девятьсот первого года.

- Я знаю. Мы туда уже заглядывали. Значит, тут затруднений не будет. Но по причинам, о которых я уже говорил мистеру Джонсону, им придется обойтись без упоминания в титрах.

- И улаживать это, конечно, должен буду я! - простонал Мэре.

- Вот именно, - отрезал Джонсон.

- А как с недоснятыми кусками? У вас есть на примете сценарист? - спросил Мэре.

- У нас имеются наметки сценария. Их можно привести в рабочий вид за неделю. Хотите, займемся ими вместе?

Это его вполне устраивало.

- Каким временем мы располагаем? - перебил Кеслер. - Работа предстоит порядочная. Когда мы должны его кончить?

Уже "мы".

- Ко вчерашнему дню! - объявил Джонсон и встал. - У вас есть какие-нибудь предложения о музыкальном оформлении? Нет? Ну, так мы попробуем заполучить Вернера Янсена и его ребят. Бернштейн, за этот фильм отвечаете вы. Кеслер, зовите своих мальчиков, пусть они с ним познакомятся. Мэре, вы проводите мистера Лефко и мистера Лавьяду в Центральный архив и вообще будете поддерживать с ними связь. Ну, а теперь пойдете ко мне в кабинет и обсудим финансовую сторону...

Легко и просто.

Нет, я вовсе не хочу сказать, что работа была легкой - несколько следующих месяцев мы были заняты по горло. Начать хотя бы с того, что в Центральном архиве мы отыскивали только одну фотографию человека, похожего на Александра, - статиста, которому надоело ждать роли и который отбыл в неизвестном направлении. А когда дублеры были подобраны, пришлось без конца с ними репетировать и ругаться с костюмерами и декораторами. Короче говоря, дел у нас хватало. Даже Руфи пришлось по-настоящему отрабатывать свое жалованье. Мы по очереди диктовали ей с утра до ночи, пока не получили сценария, которым остались довольны и я, и Майк, и Мэре, собаку съевший на диалоге.

Я имел в виду, что мы легко и просто нашли общий язык с этими выдавшими виды ребятами и наше самолюбие было удовлетворено. Они искренне восхищались нашей работой, и Кеслер даже расстроился, когда мы отказались сами доснимать фильм. Но мы только заморгали и сказали, что слишком залиты

и знаем, что он это делает не хуже, чем мы. И он превзошел и себя, и нас. Не знаю, как бы мы вывернулись, если бы он попросил у нас какого-нибудь конкретного совета. Вспоминая все это задним числом, я прихожу к выводу, что им до смерти надоело возиться с посредственной дребеденью и было приятно иметь дело с людьми, которые понимали разницу между глицериновыми слезами и настоящими и не торговались, если последние обходились на два доллара дороже.

Наконец фильм был готов. Мы все собрались в демонстрационном зале - Майк и я, Мэре и Джонсон, Кеслер и Бернштейн, и все, кто так или иначе участвовал в работе. Получилась потрясающая вещь. Когда на экране появился Александр, это был подлинный Александр Великий. Ослепительные краски, пышность, великолепие, блеск на экране буквально ошеломляли. Даже мы с Майком, которые видели все в натуре, и то сидели с раскрытыми ртами.

Однако, мне кажется, самым сильным в картине были батальные эпизоды. Это был настоящий реализм, а не увлекательные кровопролития, после которых мертвецы встают и отправляются обедать. И солдаты, посмотревшие фильм, писали письма в газеты, сравнивая Гавгамелы Александра с Анцио и Аргоннами. Усталый крестьянин, отнюдь не воплощение тупой покорности, который мило за милей шагает по пыльным сухим равнинам только для того, чтобы в конце пути превратиться в разлагающийся, облепленный мухами труп, везде одинаков, несет ли он сариссу или винтовку. Вот что мы пытались показать. И это нам удалось.

Когда в зале вспыхнули люстры, мы вновь убедились, что создали настоящий боевик. Все поздравляли нас и пожимали нам руки. Затем мы удалились в кабинет Джонсона, выпили за успех и перешли к делу.

- Как вы думаете выпустить его в прокат? - начал Джонсон.

Я спросил о его мнении.

- Это уж ваше дело, - он пожал плечами. - Не знаю, известно ли вам, что уже давно ходят слухи, будто у вас кое-что есть.

Я сказал ему, что к нам в отель звонили представители разных фирм, и назвал их.

- Вот именно. Я этих ребят знаю. Держитесь от них подальше, если не хотите потерять последнюю рубашку. Да, кстати, вы нам порядком задолжали. Конечно, у вас хватит заплатить нам?

- Хватит.

- Этого я и боялся! Не то вашу последнюю рубашку забрал бы я! - он широко улыбнулся, но мы знали, что так оно и было бы. - Ну, с этим покончено. Вернемся к вопросу о прокате.

- А вы сами им не занялись бы?

- Я бы не прочь. У меня есть на примете фирма, которой как раз сейчас до зарезу нужна кассовая вещь, а им не известно, что мне это известно. И я заставлю их раскошелиться. А мой процент?

- Об этом после, - сказал я. - Мы удовлетворимся обычными условиями, а вы раздевайте их, как хотите. То, чего мы не знаем, нас не касается.

(Они там все норовят перерезать друг другу глотку.)

- Договорились. Кеслер, начинайте печатать копии.

- У нас все готово.

- Мэре, организуйте рекламу... У вас есть какие-нибудь мысли на этот счет? - обратился он к нам.

Мы с Майком уже давно все обсудили.

- Что касается нас, - сказал я медленно, - делайте, как считаете лучшим. Мы не ищем известности, но и отказываться от нее не будем. Вопросы о том, где снимался фильм, спускайте на тормозах, но не слишком заметно. Решить задачу с безыменными актерами будет не так просто, но вы, наверное, сумеете что-нибудь придумать.

Мэре застонал, а Джонсон сказал, ухмыльнувшись:

- Он что-нибудь придумает!

- Против упоминания в титрах тех, кто доснимал фильм, мы не возражаем, потому что ваша работа была отличной.

Кеслер счел это комплиментом в свой адрес и не ошибся.

- Но теперь, пожалуй, пора упомянуть, что часть фильма была сделана в Детройте.

Они прямо подскочили.

- Мы с Майком разработали новый метод трюковых съемок. Касаться его сущности мы не будем и не скажем, какие именно эпизоды снимались в лаборатории. Однако вы же не станете отрицать, что отличить их от остальных невозможно. Как мы этого достигаем, я вам не скажу, потому что

мы не запатентовали наше изобретение и не будем его патентовать, пока возможно.

Это они понять могли. Подобную штуку выгодней всего хранить в секрете.

- Мы практически гарантируем, что в будущем сможем предложить вам подобную работу.

Это их явно заинтересовало.

- Мы не можем назвать точный срок или говорить о конкретных условиях. Но у нас в колоде еще остается пара-другая козырей. С вами мы отлично ладили, и это нас вполне устраивает. А теперь, с вашего разрешения, мы вас покинем - у нас свидание с блондинкой.

Джонсон оказался прав. Мы - вернее, он - заключили весьма выгодный контракт с "Юнайтед эмьюзментс". Джонсон, настоящий бандит, получил с нас причитающиеся ему проценты и, по всей вероятности, содрал солидный куш с "Юнайтед".

Фильм вышел на экраны одновременно в Нью-Йорке и Голливуде. Мы торжественно отправились на премьеру вместе с Руфью, надуваясь гордостью, точно трио лягушек. А как приятно рано поутру сидеть на ковре и упиваться хвалебными рецензиями! Но еще приятнее разбогатеть за один вечер. Джонсон и его ребята тоже не остались внакладе. По-моему, до нашего знакомства он сидел на мели и теперь не меньше нас смаковал свой финансовый успех.

Каким-то образом по Голливуду прошел слух, что мы разработали новый метод трюковых съемок, и все крупнейшие кинокомпании загорелись желанием приобрести на него исключительное право, что обещало значительную экономию. Мы получили несколько весьма выгодных предложений - так, во всяком случае, казалось Джонсону, но мы сразу поскущтели и сообщили, что на следующий день отбываем в Детройт, а ему поручаем оборонять крепость на время нашего отсутствия. По-моему, он нам не поверил, но мы тем не менее уехали - и на следующий же день.

В Детройте мы немедленно засели за работу, подкрепляемые уверенностью, что стоим на верном пути. Руфь трудилась в поте лица, отвечая отказом бесчисленным посетителям, которые во что бы то ни стало хотели нас увидеть. У нас не было на них времени. Мы работали с панорамной фотокамерой. Каждый день мы отправляли в Рочестер проявлять все новые и новые пластинки. Нам присылали по отпечатку с каждой, а негатив оставался в Рочестере до наших дальнейших распоряжений. Потом мы пригласили из Нью-Йорка представителя одного из крупнейших издательств. И заключили с ним контракт.

Если тебе интересно, то в своей городской библиотеке ты наверняка найдешь комплект наших фотоальбомов - сотни толстых томов безупречных фотографий, отпечатанных с негатива 20x25 сантиметров. Комплекты этих альбомов поступили во все крупнейшие библиотеки и университеты мира. Мы с Майком наслаждались, решая загадки, над которыми ученые ломали головы столетиями. В римском альбоме, например, мы раскрыли тайну триремы, включив в него серию снимков внутреннего устройства не только триремы, но и военной квинквиремы. (Естественно, ни профессионалов, ни яхтсменов-любителей наши снимки ни в чем не убедили.) Мы включили в этот альбом серию снимков Рима с птичьего полета, сделанных на протяжении тысячелетия. И такие же виды Равенны и Лондиниума, Пальмиры и Помпеи, Эборакума и Византии. Сколько удивольствия мы получили! Мы выпустили альбомы Греции, Рима, Персии, Крита, Египта и Византийской империи. В них можно было найти снимки Парфенона и Фаросского маяка, портреты Ганнибала, Карактака и Верцингеторикса, снимки стен Вавилона, и строящихся пирамид, и дворца Саргона, а также факсимиле утраченных книг Тита Ливия и трагедий Еврипида. И еще много всего в том же роде.

Хотя эти альбомы стоили безумных денег, второй тираж разошелся весь. Если бы их можно было удешевить, история, вероятно, вошла бы в моду еще больше.

Когда шум несколько поулегся, какой-то археолог, раскапывая еще не исследованный квартал погребенной под пеплом Помпеи, наткнулся на маленький храм, причем на том самом месте, где он был виден на нашей фотографии "Вид Помпеи с птичьего полета". Ему увеличили дотацию, и он расчистил еще несколько зданий, которые имелись на нашем снимке, но были скрыты от мира почти две тысячи лет. Немедленно нам приписали удивительную удачливость, а глава одной из калифорнийских оккультных сект публично объявил, что мы, вне всякого сомнения, - новое воплощение двух гладиаторов по имени Джо.

В поисках покоя и тишины мы с Майком перебрались в свою студию,

забрав туда все наши пожитки. Бронированные хранилища бывшего банка гарантировали полную безопасность нашего оборудования в наше отсутствие, а кроме того, мы еще наняли дюжих частных сыщиков для приема наиболее назойливых посетителей. Нам предстояла новая работа - еще один полнометражный художественный фильм.

Мы опять выбрали историческую тему. На этот раз мы попытались сделать то же, что сделал Гиббон в своем "Упадке и разрушении Римской империи". И, мне кажется, в целом нам это удалось. Конечно, за четыре часа нельзя полностью охватить два тысячелетия, но можно - как это сделали мы - показать постепенное разложение великой цивилизации и подчеркнуть, насколько мучителен такой процесс. Критики ругали нас за то, что мы почти полностью игнорировали роль Христа и христианства, но, право же, зря. Хотя это известно лишь немногим, однако в первоначальный вариант мы для пробы включили несколько эпизодов, показывавших Христа и его время. Как тебе известно, в просмотровый совет входят и католики, и протестанты. И вот, все они - то есть совет в полном составе - буквально полезли на стену. Они утверждали (а мы не спорили), что наша "обработка" священного сюжета кощунственна, непристойна, пристрастна и противна "истинно христианским нормам". "Да ведь тот, кого вы показываете, не имеет с Иисусом ни малейшего сходства!" - вопили они. И мы тут же решили, что с религиозными верованиями лучше не связываться. Вот почему, как ты можешь убедиться, во всех своих работах мы тщательно избегали любых фактов, которые вступали бы даже в легкое противоречие с историческими, социальными или религиозными представлениями кого-либо из тех, "кому это лучше известно". Кстати, наш римский фильм - и отнюдь не случайно - так мало отступал от школьных учебников, что лишь горстка специалистов-энтузиастов смогла указать нам на отдельные ошибки. У нас по-прежнему не было возможности приступить к систематической переработке истории, потому что мы не могли открыть источник своей осведомленности.

Джонсон, увидев римский фильм, пришел в восторг. Его ребята немедленно взялись за дело, и вначале все шло так же, как и в предыдущий раз. Но затем в один прекрасный день Кеслер буквально взял меня за горло.

- Эд, - сказал он, - я намерен точно выяснить, откуда у вас эта лента, а до тех пор я палец о палец не ударю.

Я ответил, что со временем он все узнает.

- Нет, теперь же! И можете не втирать нам очки насчет Европы - больше на эту удочку никто не попадет. Где ваша студия? Кто ваши актеры? Где вы снимаете батальные сцены? Откуда у вас костюмы и статисты? В одном только кадре у вас снято не меньше сорока тысяч статистов! Ну, так как же?

Я ответил, что должен посоветоваться с Майком. И посоветовался. И так - началось! Мы созвали совещание.

- Кеслер сообщил мне о своих недоумениях. Думаю, вы в курсе, - сказал я.

Они были в курсе.

- Он абсолютно прав, - заявил Джонсон. - Откуда у вас эта лента?

Я повернулся к Майку.

- Ты будешь говорить?

Он покачал головой.

- У тебя это получается лучше.

- Ну, ладно. - (Тут Кеслер наклонился вперед, а Мэре закурил очередную сигарету.) - Мы сказали вам чистую правду. Все снято нами. Все до единого кадры этого фильма снимали здесь, в Штатах, в течение последних нескольких месяцев. А как и где, мы пока вам сказать не можем...

Кеслер раздраженно фыркнул.

- Дайте мне кончить. Мы все знаем, какие деньги мы получили. И получим даже больше. У нас задумано еще пять картин. Мы хотим, чтобы три из этих пяти вы обработали, как предыдущие. Последние же две объяснят вам и причину этого "детского секретничания", как выражается Кеслер. И еще одно обстоятельство, которого мы пока не касались. Последние две картины позволят вам понять и наше поведение, и наш метод. Ну, как? Этого достаточно? Можем мы продолжать на таких условиях?

Они согласились - не слишком охотно.

Мы не поспешили на выражения самой горячей благодарности.

- Вы не пожалеете!

Кеслер в этом усомнился, но Джонсон, который думал о своем счете в банке, отправил их всех заниматься делом. Так мы взяли еще один барьер. А вернее, обошли его.

"Рим" вышел на экраны точно по плану, и рецензии опять были доброжелательными. Хотя "доброжелательные", пожалуй, не то слово для определения отзывов, благодаря которым очереди за билетами растягивались на несколько кварталов. Мэре организовал отличную рекламу. Даже те газеты, которые позже преисполнились самой дикой злобы, тогда клюнули на словечко Мэрса "колдовство" и всячески рекомендовали своим читателям посмотреть "Рим". В нашей третьей картине "Пламя над Францией" мы исправили некоторые неверные представления о Великой Французской революции и наступили на кое-какие любимые мозоли. К счастью (не только по нашим расчетам), во Франции в тот момент у власти было либеральное правительство, которое оказало нам всемерную поддержку. По нашей просьбе оно опубликовало ряд документов, до той поры дремавших в хранилищах Национальной библиотеки в тихом забвении. Я забыл имя очередного извечного претендента на французский трон. Однако я убежден, что он подал на нас с Майком в суд, протестуя против клеветы на славную династию Бурбонов только по наущению одного из вездесущих агентов Мэрса. Адвокат, которого для нас раздобыл Джонсон, подготовил процесс и сделал из бедняги отбивную котлету - претендент не получил ни гроша возмещения. Сэмюэлс, адвокат, и Мэрс огребли премиальные, а претендент отбыл в Гондурас.

Примерно тогда же начал изменяться тон прессы. До той поры нас рассматривали как нечто среднее между Шекспиром и владельцем ярмарочного балагана. Но теперь, когда на свет начали извлекаться давно забытые неприятные факты, несколько заядлых пессимистов принялись намекать, что мы - весьма вредоносная парочка. "Кое в чем не стоило бы копаться". Только огромные средства, которые мы тратили на рекламу, заставили их воздержаться от прямых нападок.

Тут я сделаю небольшое отступление и расскажу о том, как мы жили, пока все это происходило. Майк продолжал оставаться на заднем плане - потому что ему так хотелось. Я кричу и спорю, а он сидит себе в самом удобном кресле, какое только окажется под рукой, и молчит - и никому невдомек, что под этой смуглой вежливой маской прячется ум, цепкий, как медвежий капкан, и куда более быстрый. И еще - чувство юмора и находчивость. Да, конечно, иногда мы кутили напропалую, но обычно нам было не до развлечений. Работа нас увлекала, и мы не хотели терять время впустую. Руфь, пока она оставалась с нами, всегда была не прочь выпить и потанцевать. Она была молода, почти красива, и между мной и ею начинали складываться отношения, которые могли перейти в нечто серьезное. Однако мы вовремя обнаружили, что на очень многое смотрим по-разному. А потому я не слишком горевал, когда она подписала контракт с компанией "Метро-Голдвин-Мейер". Этот контракт знаменовал для нее ту славу, деньги и счастье, на которые она, по ее мнению, имела полное право. Ей дают роли во второклассных и многосерийных картинах, и с финансовой точки зрения она устроилась даже лучше, чем могла бы мечтать. Но что касается счастья - не знаю. Она недавно нам написала - она снова разводится. Но, может быть, это и есть то, что ей нужно.

Но хватит о Руфи. Я опережаю события. Все время, вплоть до "Пламени над Францией", мы с Майком хотя и работали вместе, но ставили перед собой разные конечные цели. Майк помешался на мысли сделать мир лучше, уничтожив самую возможность войны. Он постоянно повторял: "Войны всех и всяческих родов свели почти всю историю человечества к одним только усилиям выжить. А теперь, получив в свои руки атом, оно располагает средством вовсе себя уничтожить. И если в моих силах сделать хоть что-нибудь, что поможет предотвратить катастрофу, я это сделаю, Эд, клянусь богом! Иначе и жить незачем. И это не пустые слова".

Да, это были не пустые слова. Он рассказал мне о своей заветной цели в первый же день нашего знакомства. Тогда я решил, что он просто расфантазировался с голодухи. Мне его аппарат казался всего лишь средством достижения личных благ. И я думал, что и он вскоре станет на мою точку зрения. Но я ошибся.

Когда живешь и работаешь бок о бок с хорошим человеком, невольно начинаешь восхищаться качествами, которые и делают его хорошим.

К тому же, когда человеку живется приятно, его начинают тревожить беды человечества. Во всяком случае, так произошло со мной. Когда я понял, каким чудесным мог бы стать наш мир, победила точка зрения Майка. Кажется, это произошло, когда мы работали над "Пламенем", но точная дата роли не играет. Важно то, что с этого момента между нами уже не было никаких

разногласий, и спорили мы только о том, когда именно устроить перерыв на обед. Большую часть свободного времени, которого у нас было немного, мы проводили за бутылкой пива, у аппарата, бродя наугад по разным эпохам.

Мы побывали вместе повсюду и посмотрели все. То мы знакомились с фальшивомонетчиком Франсуа Вийоном, то отправлялись бродить по ночам с Гаруном аль-Рашидом. (Этот беззаботный калиф, бесспорно, родился на несколько сот лет раньше, чем ему следовало бы.) А если настроение у нас было скверным, мы могли, например, следить за событиями Тридцатилетней войны. Майк снова и снова, как замороженный, наблюдал гибель Атлантиды - наверное, потому, что он опасался, как бы что-нибудь подобное не повторилось еще раз. А стоило мне задремать - и он возвращался к началу начал - к возникновению нашего мира. (Что было раньше, рассказывать здесь не стоит.)

Если подумать, то, пожалуй, к лучшему, что ни он, ни я не женаты. Конечно, мы верили в лучшее будущее, но пока мы оба устали от человечества, устали от алчных глаз и рук. В мире, поклоняющемся богатству, власти и силе, только естественно, что порядочность нередко родится лишь из страха перед этой жизнью или перед загробной. Мы наблюдали столько скрытого и потаенного - если хочешь, назови это подсматриванием в замочную скважину, - что научились не принимать на веру внешние проявления доброты и благородства. Только один раз мы с Майком заглянули в частную жизнь человека, которого любили и уважали. И одного раза оказалось достаточно. С тех пор мы взяли за правило принимать людей такими, какими они кажутся. Но хватит об этом.

Следующие две картины мы выпустили одну за другой - "Свободу американцам" - про войну за независимость - и "Братья и пушки" - про войну Севера с Югом. И сразу каждый третий политикан, множество так называемых "просветителей" и все патриоты-профессионалы возжаждали нашей крови. Все местные отделения "Дочерей американской революции", "Сыновей ветеранов Севера" и "Дочерей Конфедерации" единодушно заскрежетали зубами. Юг совсем взбесился. Все штаты крайнего Юга и один пограничный безоговорочно запретили демонстрацию обоих фильмов - второго потому, что он был правдив, а первого просто за компанию. Они оставались под запретом, пока в дело не вмешались профессиональные политиканы. Тогда запрет был снят и оба фильма без конца цитировались в речах соответствующих ораторов как ужасные примеры того, во что верят и какие взгляды исповедуют некоторые личности.

Это был прекрасный предлог ударить в барабаны расовой ненависти.

Новая Англия попыталась было сохранить достоинство, но надолго ее не хватило. В штате Нью-Йорк депутаты сельских округов дружно проголосовали за запрещение фильмов. И в Дэлавер, где законодательному собранию некогда было заниматься изданием нового закона, пришлось пустить дополнительные поезда. Вызовы в суд по обвинению в клевете сыпались на нас градом, но, хотя каждый новый иск вчинялся нам под гром фанфар, почти никто не знает, что мы не проиграли ни одного дела. Правда, нам раз за разом приходилось апеллировать к высшим инстанциям, однако, когда дело попадало к судье, не заинтересованному в нашем осуждении, документы, сохранившиеся в архивах, неизменно подтверждали истинность того, что мы демонстрировали на экране.

Мы-таки высыпали на воспаленную гордость, привыкшую чваниться славными деяниями предков, изрядную горсть соли! Мы показали, что далеко не все власть имущие могли похвастаться незапятнанной белизной своих одежд и что в войне за независимость далеко не все англичане были хвастливыми наглецами, но что они не были и ангелами. В результате Англия наложила запрет на ввоз этих двух фильмов и представила государственному департаменту возмущенный протест. Было очень потешно наблюдать, как конгрессмены южных штатов в полном единодушии с конгрессменами Новой Англии одобряют призывы посла какой-нибудь иностранной державы к подавлению свободы речи. В Детройте ку-клукс-клан зажег у нашего подъезда довольно дохленький крест, а такие организации, как Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения, выносили весьма лестные для нас резолюции. Наиболее злобные и непристойные письма вместе с адресами и фамилиями, которые были в них опущены, мы передавали нашему адвокату, но к югу от Иллинойса ни один из их авторов не был привлечен к суду.

Постепенно страна разделилась на сторонников двух точек зрения. Одни - наиболее многочисленные - утверждали, что нечего нам копаться в старой грязи, что подобные вещи лучше всего простить и забыть, что ничего

подобного никогда не происходило, а если и происходило, то мы все равно отпетые лгуны и клеветники. Другие рассуждали так, как мы и хотели.

Мало-помалу складывалось и крепло убеждение, что подобные события действительно происходили и могут произойти снова, а возможно, и происходят в эту самую минуту - потому что на психологию нации слишком долго воздействовало извращение истины. Мы были рады, что все большее число людей приходит к выводу, к которому пришли мы сами: прошлое надо не забывать, а понять и оценить беспристрастно и доброжелательно. Именно этого мы и добивались.

Запрещение фильмов в некоторых штатах почти не повлияло на чистую прибыль, а потому в глазах Джонсона мы были полностью оправданы. Ведь он уныло предсказывал полный их провал, так как "в кино нельзя говорить правду. Это вам с рук не сойдет, если зал вмещает больше трехсот человек". Ну, а в театре? "А кто ходит куда-нибудь, кроме кино?"

Пока все складывалось так, как мы хотели. Наша известность достигла зенита - никогда еще никого с таким жаром не хвалили и не ругали на страницах газет. Мы были сенсацией дня. С самого начала мы старались обзаводиться врагами в кругах, которые способны дать сдачи. Помнишь старое присловие, что человек познается по своим врагам? Ну, короче говоря, шумная известность была водой на нашу мельницу. А дальше я расскажу, как мы начали молотъ.

Я позвонил Джонсону в Голливуд. Он обрадовался.

- Что-то мы давно не виделись! Ну что, Эд?

- Мне нужны люди, которые умеют читать по губам. И не позже вчерашнего дня, как ты выражаешься.

- Читать по губам? Это еще зачем?

- Неважно. Они мне нужны. Можешь ты их найти?

- Откуда я знаю? А зачем?

- Я спрашиваю: можешь ты их найти?

- По-моему, ты переутомился, - ответил он с сомнением в голосе.

- Послушай...

- Я ведь не сказал, что не могу. Спусти пары. Когда они тебе нужны? И в каком количестве?

- Лучше запиши. Готов? Мне нужны чтецы по губам для следующих языков: английского, французского, немецкого, японского, греческого, фламандского, голландского и испанского.

- Эд Лефко! Ты совсем сошел с ума или еще нет?

Пожалуй, моя просьба и в самом деле могла показаться странной.

- Может быть, и сошел. Но эти мне нужны в первую очередь. Если отыщутся специалисты по другим языкам, хватай и их. Они тоже могут мне понадобиться.

Я представил себе, как он сидит у телефона и крутит головой: "Бедняга Эд! Тепловой удар, не иначе. Совсем свихнулся".

- Ты меня слышишь?

- Да. Слышу. Если это какой-то розыгрыш...

- Это не розыгрыш. Я говорю совершенно серьезно.

Он разозлился.

- Где же я, по-твоему, их возьму? Вытащу из собственной шляпы или как?

- Это уж твое дело. Советую начать с местной школы для глухонемых.

Он ничего не ответил.

- И пойми одно: я говорю совершенно серьезно. Мне все равно, как ты их разыщешь и во что это обойдется, но мне нужно, чтобы чтецы по губам ждали нас в Голливуде, когда мы туда приедем, или во всяком случае были бы уже в дороге.

- А когда вы приедете?

Я ответил, что точно не знаю.

- Дня через два. Нам еще нужно закончить тут кое-какие дела.

Джонсон принялся проклинать все на свете, и я повесил трубку. Майк ждал меня в студии.

- Ты говорил с Джонсоном?

Я пересказал ему наш разговор, и он засмеялся.

- Наверное, это и правда производит впечатление бреда. Но если такие специалисты существуют и не прочь заработать, он их разыщет.

Я бросил шляпу в угол.

- Слава богу, с этим покончено. А как дела у тебя?

- Все готово. Киноплёнки и заметки отправлены, фирма по продаже недвижимости присылает сюда своего агента завтра, с девочками я расплатился и выдал им премию.

Я откупорил бутылку пива.

- А как наш архив? И винный погреб?

- Архив отправлен в банк на хранение. Винный погреб? О нем я не подумал.

Пиво было холодным.

- Распорядись упаковать бутылки и отошли их Джонсону.

Мы оба расхохотались.

- Идет! Ему нужно будет успокаивать нервы.

Я мотнул головой в сторону аппарата.

- А это?

- Повезем с собой в самолете. - Он внимательно посмотрел на меня. - Что с тобой? Нервничаешь?

- Немножко.

- Я тоже. Твою одежду и свою я отправил утром.

- Даже ни одной сменной рубашки нет?

- Ни одной. Совсем как...

- Как тогда с Руфью, - закончил я. - Но есть разница.

- И очень большая, - медленно сказал Майк. - Что-нибудь еще нужно сделать здесь, как ты считаешь?

Я покачал головой.

Мы погрузили аппарат в машину, оставили ключи от студии в бакалейной на углу и поехали в аэропорт.

В кабинете Джонсона нас ждал ледяной прием.

- Ну, если это была шуточка!.. Где, по-вашему, можно найти людей, которые читают по губам японский? Или даже греческий, если уж на то пошло?

Мы все сели.

- Ну, что у тебя есть?

- Кроме головной боли? Вот, - он протянул мне короткий список.

- И когда ты их доставишь сюда?

- Когда я доставлю их сюда?! - взорвался Джонсон. - Что я вам - мальчик на побегушках, что ли?!

- По сути - конечно. Перестань валять дурака. Ну, так как же?

Мэре взглянул на лицо Джонсона и хихикнул.

- Ты-то что ухмыляешься, кретин?

Мэре не выдержал и захохотал. Я тоже.

- Валяйте смейтесь! Ничего смешного тут нет. Когда я позвонил в школу глухонемых, они просто повесили трубку. Решили, что я их разыгрываю. Ну ладно, об этом не будем. У меня в этом списке три женщины и один мужчина. Это дает вам английский, французский, немецкий и испанский. Двое живут в восточных штатах, и я жду ответа на телеграммы, которые им послал. Третий живет в Помоне, а четвертая работает в Аризонской школе для глухонемых. Больше мне ничего найти не удалось.

Мы обдумали положение.

- Садись за телефон. Обзвони все штаты, а если нужно - свяжись с Европой.

Джонсон пнул ножку письменного стола.

- Ну, предположим, мне повезет. Но все-таки зачем они вам нужны?

- Тогда и узнаешь. Ставь условием, чтобы они вылетали сюда немедленно. Кроме того, мне нужен просмотровый зал - не твой. И хороший судебный репортер.

Он воззвал ко всем добрым людям - что у него за жизнь!

- Мы будем в отеле, - сказал я и повернулся к Мэрсу. - Пока держите репортеров на расстоянии, но позднее у нас будет для них кое-что.

С этим мы ушли.

Джонсону так и не удалось отыскать никого, кто мог бы читать по губам греческий. Во всяком случае, такого специалиста, который говорил бы при этом еще и по-английски. Однако он снесся со специалисткой по фламандскому и голландскому языкам в Лейдене и в последнюю минуту нашел в Сиэтле японца, который работал там в консульстве. Всего, таким образом, мы могли рассчитывать на четырех женщин и двух мужчин. Они подписали с нами непробиваемый контракт, составленный Сэмюэлсом, который теперь вел все наши дела. Перед этим я произнес небольшую речь:

- Весь следующий год ваша жизнь будет определяться этим контрактом, причем он содержит пункт, позволяющий нам продлить срок его действия еще

на год, если мы сочтем это нужным. Давайте сразу же поставим все точки над "i". Вы будете жить в загородном доме, который мы для вас снимем. Фирмы, которым будем платить мы, обеспечат вас всем необходимым. Любая попытка сообщения с внешним миром без нашего ведома приведет к автоматическому аннулированию контракта. Вам это ясно? Отлично. Работа будет нетрудной, но она чрезвычайно важна. Вероятнее всего, вы кончите ее месяца через три, но вы в любой момент будете обязаны отправиться туда, куда мы сочтем нужным, - естественно, за наш счет. Ваши рекомендации и ваша прошлая работа были тщательно проверены, и вы будете находиться под постоянным наблюдением. Вам придется выверять, а возможно, и официально подтверждать каждую страницу, если не каждую строку, стенографических записей, которые будет вести мистер Соренсон, здесь присутствующий. У кого-нибудь есть вопросы?

Вопросов ни у кого не было. Им предстояло получать сказочное вознаграждение, и все они сочли нужным показать, что они это ценят.

Контракт был подписан.

Джонсон купил для нас небольшой пансион, и мы платили бешеные деньги детективному агентству, обеспечивавшему нас поварами, уборщицами и шоферами. Мы поставили условием, чтобы наши чтецы по губам не обсуждали свою работу между собой и воздерживались от каких-либо упоминаний о ней в присутствии прислуги, и они честно следовали нашим инструкциям.

Примерно месяц спустя мы созвали совещание в просмотрном зале Джонсона. У нас была готова одна-единственная катушка фильма.

- Ну, в чем дело?

- Сейчас вы узнаете причину всей этой мелодраматичной таинственности. Киномеханика не зовите. Эту ленту прокручу я сам. Посмотрите, как она вам покажется.

- До чего мне надоели эти детские штучки! - сказал Кеслер, выражая всеобщее раздражение.

Открывая дверь проекционной, я услышал, как Майк ответил:

- Не больше, чем мне!

Из проекционной мне был виден только экран. Я прокрутил фильм, перемотал ленту и вернулся в зал.

- Прежде чем мы продолжим разговор, - сказал я, - прочтите вот эту нотариально заверенную запись того, что говорили персонами, которых вы сейчас видели. Их слова читались по движению губ.

Раздавая им экземпляры стенограммы, я добавил:

- Кстати, они, строго говоря, не "персонажи", а вполне реальные люди. Я показал вам документальный фильм. Из стенограммы вы узнаете, о чем они говорили. Читайте. Мы с Майком привезли для вас кое-что. Пока мы принесем это из машины, вы успеете прочесть все.

Майк помог внести аппарат в зал. Когда мы открыли дверь, Кеслер как раз швырнул стенограмму в экран. Листки рассыпались по полу, а он крикнул в ярости:

- Что, здесь, собственно, происходит?

Не обращая внимания ни на него, ни на остальных, мы установили аппарат возле ближайшего штепселя.

Майк вопросительно поглядел на меня.

- Ты что-нибудь предложишь?

Я покачал головой и попросил Джонсона заткнуться на несколько минут. Майк открыл крышку и после секундного колебания начал настройку. Толчком в грудь я усадил Джонсона в кресло и погасил свет. Джонсон, глядя через мое плечо, ахнул. Я услышал, как Бернштейн негромко выругался от изумления, и обернулся посмотреть, что показывает им Майк.

Это действительно производило впечатление. Он начал с точки над самой крышей лаборатории и продолжал стремительно подниматься в воздух все выше, пока Лос-Анджелес не превратился в крохотное пятнышко где-то внизу, в неизмеримой дали. На горизонте встала зубчатая линия Скалистых гор. Джонсон вцепился мне в локоть.

- Что это? Что это? Хватит! - выкрикнул он.

Майк выключил аппарат.

Ну, ты можешь легко догадаться, что произошло дальше. Сначала они не верили ни своим глазам, ни терпеливым объяснениям Майка. Ему пришлось дважды снова включить аппарат и забраться довольно далеко в прошлое Кеслера. Тут они поверили.

Мэре курил без передышки, Бернштейн нервно крутил в пальцах золотой карандаш, Джонсон метался по залу, как тигр по клетке, а Кеслер сидел, молча уставившись на аппарат. Джонсон не переставая что-то бормотал себе под нос. Потом он остановился и потряс кулаком под носом у Майка.

- Черт побери! Ты отдаешь себе отчет, что такое эта штука? Зачем вам понадобилось тратить время на эти фильмы? Вы же можете взять за горло весь мир! Если бы я знал...

- Эд, да объясни же ему! - воззвал ко мне Майк.

Я объяснил. Не помню, что именно я говорил. Да это и не важно. Во всяком случае, я сказал ему, как мы начали, какие планы наметили и что собираемся делать теперь. В заключение я сообщил ему, как мы собираемся использовать ленту, которую они только что видели.

Он отскочил, как ужаленный змеей.

- Это вам с рук не сойдет! Вас повесят... если только прежде не линчуют!

- Конечно, но мы готовы рискнуть.

Джонсон вцепился в свои редящие волосы. Мэре вскочил и подошел к нам.

- Это действительно так? Вы действительно намерены снять такой фильм и показать его всему миру?

- Вот именно, - кивнул я.

- И лишиться всего, чего вы добились?

Мэре повернулся к остальным:

- Нет, он не шутит.

- Ничего не выйдет, - сказал Бернстайн.

Начался бестолковый спор. Я пытался доказать им, что мы избрали единственно возможный путь.

- В каком мире вы предполагаете жить? Или вам вообще жить надоело?

- А сколько, по-вашему, нам останется жить, если мы сделаем такой фильм? - пробурчал Джонсон. - Вы ненормальные. А я нет. И я не стану совать голову в петлю.

- Может быть, вы правы, а может быть, нет, - сказал Мэре. - Может быть, вы свихнулись, а может быть, свихнулся я. Но я всегда говорил, что в один прекрасный день поставлю на карту все. А ты, Верни?

Бернстайн сказал скептически:

- Вы все видели, что принесла последняя война. Не знаю, поможет ли это, но попробовать надо. Считайте, что я с вами.

- Кеслер?

Он повертел головой:

- Детские штучки! Кто собирается жить вечно? Кто согласится упустить такой шанс?

Джонсон поднял руки.

- Будем надеяться, что нас запрут в одну палату. Уж сходить с ума, так всем вместе.

Вот так.

Мы взялись за работу, охваченные общим порывом надежды. Через четыре месяца чтецы по губам кончили свою часть. Тут незачем рассказывать, как они относились к тому, что ежедневно Соренсон заносил на бумагу под их диктовку. Ради их же душевного спокойствия мы не сообщили им, что мы намерены сделать с записями, а когда они кончили, мы отослали их в Мексику, где Джонсон снял небольшое ранчо. Они могли нам еще понадобиться.

Пока копировщики трудились сверхурочно, Мэре вообще не знал отдыха. Газеты и радио кричали о том, что премьера нашего нового фильма состоится одновременно во всех крупнейших городах мира. И это будет последняя картина, которую нам потребуется сделать. Слово "потребуется" приводило в недоумение и интриговало. Мы разжигали любопытство, отказываясь сообщить хоть что-нибудь о содержании. Премьера состоялась в воскресенье. А в понедельник разразилась буря.

Хотел бы я знать, сколько копий этого фильма сохранилось в настоящее время? Сколько копий избежало конфискации и сожжения? Это был фильм о двух мировых войнах, показанных с нелестной откровенностью, с упором на факты, которые до сих пор можно было лишь с трудом отыскать в нескольких книгах, запрятанных в темных уголках библиотек. Мы показали и назвали поименно поджигателей войны, тех, кто цинично лгал своим народам, тех, кто лицемерно взывая к патриотизму, обрекал на смерть миллионы. Мы показали тайных предателей нашей страны и таких же предателей в стане наших противники - двуликих Янусов, до той поры не разоблаченных. Наши чтецы по губам поработали хорошо: это были уже не догадки, не предположения, основанные на разрозненных и искаженных сведениях, сохранившихся в архивах, а дела и слова, которые нельзя было ни замаскировать, ни отрицать.

В Европе фильм был снят с экранов на первый или на второй день.

(Между прочим, Мэре потратил сотни тысяч долларов на взятки, чтобы добиться выпуска фильма на экраны без предварительной цензуры.)

Но там, где фильм запрещался или уничтожался, тут же появлялись письменные его изложения и начинался тайный показ контрабандно добытых копий.

У нас в Штатах федеральное правительство, под яростным нажимом прессы и радио вынужденное "принять меры", беспрецедентным образом запретило какие бы то ни было демонстрации нашего фильма, чтобы "содействовать благополучию страны, обеспечить внутреннее спокойствие и сохранить дружеские отношения с иностранными державами".

Мы в это время находились в Мексике - на ранчо, которое Джонсон снял для наших чтецов по губам. Джонсон нервно расхаживал по комнате - мы слушали речь генерального прокурора Соединенных Штатов:

- ...и, наконец, сегодня мексиканскому правительству была направлена нота следующего содержания. Я зачитываю: "Правительство Соединенных Штатов просит о немедленном аресте и экстрадиции нижеперечисленных лиц:

Эдуарда Джозефа Левковича, известного как Лэфко. (Первый в списке! Даже рыба могла бы избежать неприятностей, если бы держала язык за зубами!)

Мигеля Хосе Сапаты Лавьяды. (Майк заложил ногу за ногу.)

Эдварда Ли Джонсона. (Джонсон швырнул сигару на пол и рухнул в кресло.)

Роберта Честера Мэрса. (Мэре закурил сигарету. Его лицо подергивалось.)

Бенджамина Лайонела Бернштейна. (Он улыбнулся кривой улыбкой и закрыл глаза.)

Карла Вильгельма Кеслера. (Свирепое ругательство.)

Вышеуказанные лица подлежат суду по обвинениям, включающим преступный сговор, подстрекательство к мятежу, подозрение в государственной измене..."

Я выключил приемник и сказал, не обращая ни к кому в частности:

- Ну?

Бернштейн открыл глаза.

- Мексиканская полиция, вероятно, уже мчится сюда. Проще вернуться самим и поглядеть, чем все это кончится.

Мы вернулись. Агенты ФБР встретили нас на границе.

Я думаю, за нашим процессом следили газеты, радио и телевидение всего мира. К нам не допускали никого, кроме нашего адвоката. Сэмюэлс прилетел из Калифорнии, но ему удалось добиться свидания с нами только через неделю. Он велел нам не отвечать ни на какие вопросы репортеров, если паче чаяния кто-нибудь из них пробьется к нам.

- Газет вам не дают? Тем лучше... Зачем только вы все это затеяли! Могли бы, кажется, предвидеть!

Я объяснил.

Он только рот раскрыл:

- Вы все сошли с ума?

Он никак не хотел поверить, что такой аппарат действительно существует. В конце концов его убедила полная согласованность изложения событий каждым из нас. (Он говорил с нами по отдельности, так как мы сидели в одиночках.) Когда он опять вернулся ко мне, у него голова шла кругом.

- И на этом вы хотите строить свою защиту?

Я покачал головой.

- Нет. Я знаю, что мы виновны во всевозможных преступлениях, если рассматривать ситуацию с определенной точки зрения. Но существует и другой взгляд...

Он вскочил.

- Вам нужен не адвокат, а врач! Я приду еще раз. Мне необходимо сначала собраться с мыслями.

- Сядьте! Что вы скажете об этом?

И я изложил ему свой план.

- Я думаю... Я не знаю, что я думаю! Не знаю. Я приду еще раз. А пока мне нужно глотнуть свежего воздуха!

И он ушел.

Наш процесс начался с обычных ушатов помоев, которые принято выливать на обвиняемых, чтобы представить их отпетыми негодяями. (Почтенные дельцы, которых мы когда-то шантажировали, давно уже получили назад все свои деньги, и теперь у них хватило здравого смысла промолчать, так что

единственная по-настоящему неблагоприятная история в нашем прошлом осталась суду неизвестной. Возможно, они опасались, что у нас сохранились кое-какие негативы.) Мы сидели в зале Дворца правосудия и с большим интересом слушали печальную повесть, которую излагал прокурор.

Мы преднамеренно и злокозненно оклеветали великих людей, которые бескорыстно и самоотверженно посвятили себя служению общественному благу; мы бессмысленно поставили под угрозу традиционно дружеские отношения с другими странами, извращенно излагая вымышленные события; мы издевались над мужеством и подвигами тех, кто славно пал на поле брани, и вообще смущали умы и сеяли смятение.

Каждое новое обвинение вызывало одобрительную реакцию солиднейшей публики, заполнившей зал - высокопоставленные чиновники, влиятельные промышленники и финансисты, представители иностранных держав. На процесс смогли попасть даже далеко не все конгрессмены, и места были предоставлены только депутатам самых больших штатов. Как видишь, нашему защитнику пришлось выступить перед аудиторией, настроенной более чем враждебно. Однако Сэмуэлс наделен тем невозмутимым чувством юмора, которое обычно сопутствует глубочайшей уверенности в себе, и я не сомневаюсь, что ему нравилось стоять перед вершителями судеб нашей страны, зная, какой сюрприз их ждет. И он подвел под них мину с большим искусством. Начал он так:

- Мы считаем, что на подобные обвинения может быть только один ответ, и мы считаем, что одного ответа будет достаточно. Вы видели фильм, о котором идет речь. Возможно, вы заметили то, что было названо "поразительным сходством актеров с изображаемыми ими государственными деятелями", которые в фильме были названы своими действительными именами. Возможно, вы обратили внимание на жизненность всех деталей. Я еще вернусь к этому позже. Наш первый свидетель, я полагаю, внесет ясность, как именно мы намерены опровергать обвинения, выдвинутые прокурором.

Он вызвал первого свидетеля. Вернее, свидетельницу.

- Ваше имя и фамилия?

- Мерседес Мария Гомес.

- Будьте добры, немного громче.

- Мерседес Мария Гомес.

- Род занятий?

- До прошлого года я была учительницей в Аризонской школе для глухонемых. Я учила глухорожденных детей говорить. И читать по губам.

- А сами вы читаете по губам, мисс Гомес?

- Я с пятнадцати лет страдаю полной глухотой.

- Говорящих на каких языках вы способны понимать, мисс Гомес?

- На английском и испанском.

По просьбе Сэмуэлса был проведен судебный эксперимент: мексиканский офицер, личность которого была подтверждена послом его страны, находившимся среди публики, взял Библию на испанском языке, ушел в глубину зала, открыл ее наугад и начал читать вслух. Хотя воцарилась мертвая тишина, до скамьи свидетелей, как могли убедиться прокурор и судьи, не доносилось ни звука. Сэмуэлс сказал:

- Мисс Гомес, возьмите, пожалуйста, бинокль и, если можно, повторите суду, что здесь читает этот офицер.

Она взяла бинокль и умело навела его на лицо офицера, который умолк и ждал сигнала, чтобы продолжать.

- Я готова, - сказала она.

Офицер возобновил чтение, и мисс Гомес громко, четко и уверенно начала говорить что-то непонятное - я испанского не знаю. Это продолжалось минуты две.

Затем офицер подошел к судейскому столу, и стенографистка прочитала запись слов мисс Гомес.

- Да, я читал именно это, - подтвердил офицер.

Сэмуэлс предложил обвинению допросить свидетельницу, но эксперименты, поставленные прокурором, только подтвердили, что она одинаково хорошо читает по губам и английскую, и испанскую речь.

Затем Сэмуэлс вызвал свидетелями и остальных наших чтецов по губам. После окончания их допроса председатель суда сказал, что в их квалификации он убедился, но не видит, какое отношение все это имеет к разбираемому делу. Сэмуэлс, сияя уверенной улыбкой, повернулся к нему:

- Благодаря снисходительности суда и вопреки усилиям уважаемого представителя обвинения мы доказали поразительную точность, с какой можно читать по губам и с какой, в частности, читают представленные суду свидетели. Свою защиту мы будем строить, исходя из этой предпосылки и еще из одной, которую до этого момента мы не считали нужным делать достоянием

гласности, а именно: рассматриваемый фильм отнюдь не представляет собой разыгранные актерами вымышленные события. В фильме были сняты не актеры, а непосредственно те люди, которые названы в нем их полными именами и фамилиями. В этом фильме нет ни единого "игрового" кадра, он носит чисто документальный характер и представляет собой ряд эпизодов, действительно имевших место и снимавшихся на пленку непосредственно, а затем смонтированных наиболее выигрышным способом!

Зал изумленно зашумел, а прокурор растерянно выкрикнул:

- Это нелепость! Какая могла быть документальная съемка...

Не обращая внимания на шум и протесты, Сэмуэлс вызвал меня. После обычных предварительных вопросов мне было позволено дать объяснения так, как я хотел. Судьи, хотя и были настроены враждебно, вскоре так заинтересовались, что отклоняли все бесчисленные возражения, с которыми то и дело выступал прокурор. Насколько помню, я коротко изложил пашу историю и закончил примерно так:

- Выбрали же мы такой путь потому, что ни я, ни мистер Лавьяда не могли уничтожить его изобретение, так как оно все равно было бы неизбежно повторено. Мы не хотели и не хотим, чтобы этот аппарат секретно использовался нами самими или каким-нибудь узким кругом лиц в своекорыстных целях. - Тут я посмотрел на судью Бронсона, известного своими либеральными убеждениями. - Со времени последней войны все исследования в области атомной энергии ведутся под эгидой номинально гражданского органа, но в действительности "под защитой и руководством" армии и флота. Эти "защита и руководство", как, несомненно, подтвердит любой компетентный физик, сводятся к дымовой завесе, за которой прячутся тупой консерватизм, глубочайшее невежество и бестолковость. Любая страна, если она, подобно нашей, по глупости сделает ставку на окостенелые формы милитаристского мышления, неизбежно должна отстать в развитии науки. Мы твердо убеждены, что даже малейший намек на потенциальные возможности открытия мистера Лавьяды при существующем в нашей стране режиме тут же привел бы к немедленной конфискации патента, если бы он его попробовал взять. Вот почему мистер Лавьяда не захотел взять патента и не возьмет его. Он, как и я, считает, что такое открытие не может принадлежать одному человеку, группе людей или даже целой стране - оно должно принадлежать

всему миру, всему человечеству. Мы готовы доказать, что внутренней и внешней политикой как нашей страны, так и многих других нередко руководят из-за кулис тайные группировки, которые в своекорыстных целях проводят губительную политику и не щадят человеческих жизней.

В зале стояло тяжелое, полное ненависти молчание.

- Слишком долго секретные договоры и ядовитая лживая пропаганда определяли мысли и чувства простых людей; слишком долго украшенные орденами воры грели руки, сидя на самых высоких должностях. Аппарат мистера Лавьяды делает предательство и ложь невозможными. И все наши фильмы были сняты ради достижения этой цели. Вначале нам нужны были деньги и известность, чтобы показать людям всего мира то, что, как мы знали, было истиной. Мы сделали все, что было в наших силах. А теперь бремя ответственности ложится уже не на нас, а на этот суд. Мы не виновны в измене, мы не виновны в клевете и обмане, мы не виновны ни в чем, кроме глубокого и искреннего желания служить человечеству. Мистер Лавьяда просил меня сообщить от его имени суду и всему миру, что его единственным желанием всегда было передать свое открытие в руки всего человечества, но до сих пор он не мог это осуществить.

Судьи молча смотрели на меня. Зрители замерли на своих стульях, от души желая, чтобы меня без дальнейшего разбирательства пристрелили на месте. Под блестящими мундирами прятался страх и кипела злость, а репортеры строчили в блокнотах, как одержимые. У меня от напряжения пересохло в горле. Эти две речи, которые Сэмуэлс и я отрепетировали накануне, были искрой в пороховом складе. Что последует теперь?

Сэмуэлс умело воспользовался паузой.

- С разрешения суда я хотел бы указать, что мистер Лефко выступил сейчас с некоторыми заявлениями. Да, поразительными, но тем не менее они легко поддаются проверке, которая либо полностью подтвердит их, либо опровергнет. И она их подтвердит!

Он вышел и через несколько минут вкатил в зал аппарат. Майк встал. Публика была явно разочарована. Сэмуэлс остановился прямо против судей и

чуть-чуть отодвинулся, заметив, что телеоператоры наводят на него свои камеры.

- Мистер Лавьяда и мистер Лефко покажут вам... Полагаю, обвинение не будет возражать?

Он явно провоцировал прокурора, и тот было встал, нерешительно раскрыл рот, но передумал и снова сел.

- С разрешения суда, - продолжал Сэмуэлс, - нам необходимо пустое пространство. Если судебный пристав будет так добр... Благодарю вас.

Длинные столы были отодвинуты. Сэмуэлс продолжал стоять на прежнем месте. Взгляды всех присутствующих были устремлены на него, а он постоял так еще несколько секунд, а потом отошел к своему столу и сел, произнеся официальным тоном:

- Мистер Лефко!

Теперь все взгляды сосредоточились на нас с Майком, который молча встал возле своего аппарата. Я откашлялся и сказал:

- Судья Бронсон...

Он внимательно посмотрел на меня, а потом взглянул на Майка.

- Я вас слушаю, мистер Лефко.

- Ваша беспристрастность известна всем...

Он недовольно нахмурился.

- Не согласитесь ли вы послужить объектом для этого эксперимента, чтобы всякие подозрения о возможности обмана были заранее устранены?

Он подумал, а потом медленно наклонил голову. Прокурор попробовал запротестовать, но его протест был отклонен.

- Не назовете ли вы какое-нибудь место, где вы были в определенный день? Так, чтобы вы сами помнили все точно и в то же время могли бы с уверенностью утверждать, что там не было ни посторонних свидетелей, ни скрытых камер.

Он задумался. Шли секунды. Минуты. Напряжение достигло предела. В горле у меня пересохло. Наконец, он сказал негромко:

- Тысяча девятьсот восемнадцатый год. Одиннадцатое ноября.

Майк сделал знак, и я спросил:

- Какой-нибудь точный час?

Судья Бронсон посмотрел на Майка.

- Ровно одиннадцать часов. Час, когда было объявлено перемирие... - После небольшой паузы он добавил: - Ниагарский водопад.

Я услышал в полной тишине пощелкивание рукояток настройки, и Майк снова сделал мне знак.

- Необходимо погасить свет. Смотреть следует на левую стену. Во всяком случае, в ту сторону. Мне кажется, если бы судья Кассел немного подвинулся... Мы уже готовы.

Бронсон посмотрел на меня, а потом на левую стену.

- Я готов.

Люстры погасли. Телеоператоры раздраженно заворчали. Я тронул Майка за плечо.

- Ну-ка, покажи им, Майк!

Мы все в глубине души любим театральные эффекты, и Майк не составляет исключения. Внезапно ниоткуда возникли гигантские неподвижные каскады. Ниагара. Я кажется упоминал, что так и не научился преодолевать страх высоты. И мало кто от него свободен. Я услышал судорожные вздохи ужаса, когда прямо под нами разверзлась сверкающая бездна. Вниз, вниз, вниз, пока мы не оказались у самого края безмолвного водопада, жуткого в своем застывшем величии. Я знал, что Майк остановил время точно на одиннадцати часах. Он панорамировал на американский берег. Там стояло несколько туристов. Их замершие в самых неожиданных позах фигуры производили почти комическое впечатление. На земле белел снег, в воздухе висели снежные хлопья. Время остановилось.

Бронсон почти крикнул:

- Достаточно!

Молодая пара - она и он. Длинные юбки, широкая армейская шинель, они стояли лицом к лицу, обнявшись. В темноте зашуршал рукав Майка, и они задвигались. Она плакала, а солдат улыбался. Она отвернулась, но он притянул ее к себе. Тут к ним подбежала другая пара, и все они весело схватились за руки.

- Довольно! - хрипло сказал Бронсон.

В зале вспыхнул свет, и несколько минут спустя заседание суда было отложено. С тех пор прошло больше месяца.

Аппарат Майка у нас забрали, и нас охраняют солдаты. Пожалуй, это даже неплохо. Насколько нам известно, было сделано уже несколько попыток

линчевать нас, и толпу удалось остановить только на соседней улице. На прошлой неделе мы смотрели, как внизу на улице беснуется седовласый фанатик. Его вопли были неудобопонятными, но кое-какие слова нам все-таки удалось разобрать: "Дьявол!.. Антихристы!.. Надругательство над Библией!.. Надругательство... Надругательство... Надругательство..."

Наверное, в городе нашлись бы люди, которые с удовольствием поджарили бы нас на костре, как исчадий ада. Хотел бы я знать, что думают предпринять руководители разных церквей теперь, когда истину можно узреть своими глазами. Найдутся ли специалисты, умеющие читать по губам арамейский язык, или коптский, или латынь? И чудо ли чудо, сотворенное с помощью механических средств?

Дело принимает скверный оборот. Нас куда-то увезли. Куда именно, я не знаю, но только климат здесь жаркий, и, судя по полному отсутствию гражданских лиц, мы находимся в расположении какой-то воинской части. Мы понимаем, что нам угрожает. И эти записки, Джо, которые я начал, чтобы убить время, теперь оказались необходимым предисловием к той просьбе, с которой я намерен к тебе обратиться. дочитай до конца, а потом быстрее за дело! Сейчас у нас нет возможности переслать тебе рукопись, а потому я пока продолжаю - чтобы скоротать время. Для этой же цели приведу несколько выдержек из газет.

"Таблоид": "...подобное оружие нельзя оставлять в бесчестных руках. Последний кинофильм этих двух негодяев показывает, как можно исказить и извратить изолированные и неправильно понятые события. Ни собственность, ни деловые договоры, ни личная жизнь не могут быть ограждены. Внешнюю политику нельзя будет..."

"Таймс": "...колонии на нашей стороне... ликвидация империи... бремя белых..."

"Матэн": "...законное место... возродить гордую Францию..."

"Ничи-Ничи": "...неопровержимо доказывает божественное происхождение..."

"Детройт джорнэл": "...под самым нашим носом... зловещей крепости на Ист-Уоррен... под строгим федеральным наблюдением... усовершенствованное нашими опытными инженерами могучее средство в руках учреждений, наблюдающих за исполнением закона... излишние обвинения в адрес политических и деловых кругов... завтра - разоблачение..."

"Оссерваторе романо": "...Совет кардиналов... с минуты на минуту должно последовать заявление..."

Джексоновский "Стар Клерион": "...в надежных руках докажет всю ошибочность расового равенства..."

Конечно, из газет мы могли почерпнуть только самое поверхностное и одностороннее представление о ситуации. Однако солдаты - тоже люди, а комнату убирает горничная, а обед приносят официанты. И кажется, мы все-таки знаем правду о том, что происходит.

На улицах и в частных домах собираются митинги, два общества ветеранов изгнали свое руководство, семь губернаторов подали в отставку, три сенатора и десяток членов палаты представителей удалились от дел "по состоянию здоровья", и настроение в стране самое тревожное. Ходят слухи, что конгресс спешно проводит поправку к конституции, запрещающую использование таких аппаратов частными лицами и какими бы то ни было организациями, кроме тех, которым будет выдано на это разрешение федеральным правительством. Говорят также, что по всей стране готовится марш на Вашингтон с требованием довести до конца наш процесс и установить, насколько верны предъявленные нам обвинения. По общему мнению, все газеты, радио и телевидение взяты под контроль ФБР и армией. Отовсюду в конгресс шлют петиции и требования, но они редко попадают по адресу.

Как-то горничная сказала:

- Тут, наверное, места не хватит для писем и телеграмм, адресованных вам! Ну, и многим бы хотелось добраться до вас, чтобы с вами поговорить. Только ничего у них не выйдет - все здание битком набито военной полицией, - закончила она угрюмо.

Майк посмотрел на меня, и я, откашлявшись, спросил:

- А что вы думаете об этом?

Она умело перевернула и взбила подушку:

- Я видела вашу последнюю картину до того, как ее запретили. Я все ваши картины видела. После работы я смотрела по телевизору ваш процесс. Я слышала, как вы им ответили. Я так и не вышла замуж, потому что мой жених не вернулся из Бирмы. Вы лучше его спросите, что он думает... - Она

кивнула в сторону часового, совсем молодого парня, в обязанности которого входило следить, чтобы она с нами не разговаривала. - Вы его спросите, хочет он, чтобы какие-нибудь сволочи заставили его стрелять в другого такого же беднягу, как он сам... Послушайте, что он скажет, а потом спросите меня, хочу ли я, чтобы на меня сбросили бомбу только потому, что кому-то тут хочется заграбастать больше, чем у него уже есть?

На следующей неделе газеты вышли с гигантскими заголовками:

"ЧУДОДЕЙСТВЕННЫЙ ЛУЧ - СОБСТВЕННОСТЬ США"

"ПОПРАВКА К КОНСТИТУЦИИ ЖДЕТ УТВЕРЖДЕНИЯ"

"ЛАВЬЯДА И ЛЕФКО ОСВОБОЖДЕНЫ"

Мы действительно были освобождены. Спасибо Бронсону. Но в газетах, наверное, не сообщили, что нас тут же снова арестовали - "в интересах вашей собственной безопасности", как нам объяснили. И, я думаю, из этого места нашего заключения мы выйдем только ногами вперед.

Нам не дают газет, не разрешают переписки и содержат в полной изоляции. Нет, нас не выпустят. Они рассчитывают, что нас нечего опасаться, раз мы отрезаны от внешнего мира и не можем построить другой аппарат. А когда шум уляжется и мы будем забыты, нас можно будет надежно упрятать под двумя метрами земли. Ну, другой аппарат мы построить не можем. Но так ли уж мы отрезаны от остального мира?

Взвесь ситуацию - с появлением нашего аппарата война становится невозможной. Если у каждой страны, у каждого человека будет такой аппарат, все будут равно защищены. Но если он будет принадлежать одной какой-то стране, то остальные не смирятся с этим. Может быть, мы действовали неправильно. Но, бог свидетель, мы сделали все, что могли, чтобы помешать человечеству попасть в эту ловушку.

Аппарат Майка в руках армии, и сам Майк в руках армии. Времени остается немного. Один из часовых передаст тебе это - и надеюсь, вовремя.

Много времени назад мы дали тебе ключ и выразили надежду, что никогда не попросим тебя им воспользоваться. Но теперь пришло время пустить его в ход. Это ключ от одного из сейфов Детройтского банка. В этом сейфе лежат письма. Отправь их по адресу - только не все сразу и не из одного и того же места. Они адресованы людям во всем мире - людям, которых мы знаем, которых хорошо проверили, умным, честным и способным воплотить в жизнь план, который мы им посылаем.

Но поторопись - в любую минуту кому-нибудь может прийти в голову, что у нас где-то спрятан второй аппарат. Второго аппарата у нас нет. Было бы глупо его строить. Но если какой-нибудь сообразительный молодой лейтенант получит аппарат в свое распоряжение на срок, достаточный, чтобы проследить наши прошлые действия, он обнаружит этот сейф с планами и письмами, готовыми для отправки. Теперь ты видишь, почему нужно торопиться. Поторопись, Джо!